

ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО, ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО, ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО, АГРАРНОЕ ПРАВО

УДК 349.6

DOI: 10.19073/2306-1340-2018-15-4-440-446

«ПРИРОДНЫЕ БОГАТСТВА» КАК ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ: ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ

АНИСИМОВ Алексей Павлович*

✉ anisimovap@mail.ru

Ул. Гагарина, 8, Волгоград, 400131, Россия

НАРУШКЕВИЧ Светлана Витальевна[^]

✉ narushkevich@yandex.ru

Ул. Качинцев, 63, Волгоград, 400010, Россия

Аннотация. В статье доказывается, что «природные богатства» – это термин российского конституционного права, который не имеет механизма реализации в отраслевом (экологическом) законодательстве и лишь дублирует термин «природные ресурсы», включающий все компоненты природной среды (земли, воды, леса и т. д.), которые могут быть использованы в хозяйственной деятельности. Поскольку термин «природные богатства» не несет никакой самостоятельной смысловой нагрузки, необходимо исключить из ст. 58 Конституции РФ упоминание о необходимости «бережно относиться к природным богатствам».

Кроме того, из Федерального закона «Об охране окружающей среды» авторы предлагают исключить нормы, обязывающие граждан беречь природные богатства, поскольку эта обязанность реализуется посредством ряда более конкретных норм, посвященных охране природных ресурсов и объектов.

Ключевые слова: терминология, природа, природные богатства, природные ресурсы, природные объекты, конституция.

“Natural Wealth” as a Legal Category: Debatable Questions

Anisimov Alexei P.**

✉ anisimovap@mail.ru

8 Gagarin st., Volgograd, 400131, Russia

Narushkevich Svetlana V.^{^^}

✉ narushkevich@yandex.ru

63 Kachintsev st., Volgograd, 400010, Russia

Abstract. The article proves that “natural wealth” is a term of Russian constitutional law that has no implementation mechanism in sectoral (environmental) legislation and only duplicates the term “natural resources” including all components of the natural environment (land, water, forests, etc.), which can be used in economic

* Профессор кафедры конституционного и административного права Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, доктор юридических наук, профессор.

[^] Заведующий кафедрой гражданского права Волгоградского института бизнеса, кандидат юридических наук, доцент.

** Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law at Volgograd Institute of Management – Branch of RANEPa, Doctor of Legal Sciences, Professor.

^{^^} Head of the Department of Civil Law at Volgograd Institute of Business, Candidate of Legal Sciences, Docent.

activities. Since the term “natural wealth” does not carry any independent meaning, it is necessary to exclude from Art. 58 of the Constitution of the Russian Federation the mentioning of the need to “take care of natural resources”.

In addition, the authors of the Federal Law “On Environmental Protection” propose to exclude rules obliging citizens to protect natural resources, since this obligation is implemented through a number of more specific rules on the protection of natural resources and objects.

Keywords: *terminology, nature, natural resources, natural resources, natural objects, the constitution.*

В основе любой отрасли научного знания лежат основные понятия (категории), без четкого понимания которых она не сможет существовать. Юридическая наука не является исключением. Между тем главный нормативный акт России – Конституция РФ – часто использует термины, которые не раскрываются в отраслевом законодательстве. В качестве примера здесь можно привести такие конституционные категории, как «основа жизни и деятельности народов» или «иные формы собственности» (ст. 9), не имеющие четкого содержания. Само по себе это не является нарушением стандартов юридической техники, поскольку конституция любой страны – это акт долговременного действия, определяющий вектор развития государства на десятилетия вперед, и многие категории и процедуры могут закрепляться в ней с ориентиром на будущее. В то же время 25-летний срок действия Конституции России позволяет поставить вопрос о необходимости реализации закрепленных в ней терминов и процедур. Типичным примером рассматриваемой проблемы является упоминание в Конституции Российской Федерации категории «природные богатства», которые предписывается беречь.

Как отмечалось в научной литературе, в самом общем виде богатство – это всеобщая категория, объективно присущая всем общественно-экономическим формациям, воплощающая меру возможностей общества на определенном этапе, «гибко объединяющая отношения собственности и эффекты полезности применительно ко всем элементам и компонентам воспроизводственного процесса. Категория «богатство» всегда подразумевает субъект, владеющий и распоряжающийся богатством, извлекающий из объекта богатства полезные свойства. Поэтому категория «богатство» близка категории «собственность» [12, с. 87].

Если рассматривать категорию «природные богатства» в таком социально-экономическом

смысле, то вопрос о праве собственности на природные богатства имеет вполне однозначный ответ: российское природоресурсное законодательство предполагает право частной и публичной собственности только на индивидуализированные природные ресурсы (земельные участки, водные объекты и т. д.); право собственности на природные ресурсы в целом невозможно.

Однако Конституция РФ в ст. 58 говорит о природных богатствах не в экономическом, а в экологическом смысле, с акцентом на вопросы их охраны. В соответствии с данной статьей, каждый обязан сохранять природу и окружающую среду, бережно относиться к природным богатствам. На наш взгляд, указанная норма Конституции РФ должна быть конкретизирована в отраслевом (экологическом) законодательстве. Проблема заключается в том, что в настоящий момент содержание большинства используемых в российском экологическом законодательстве терминов раскрыто в ст. 1 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7 «Об охране окружающей среды» (в ред. от 19 июля 2018 г.)¹, однако термин «природные богатства» там не упоминается. Значит, невозможно установить, какое место в системе экологической терминологии занимает категория «природные богатства» и как этот термин соотносится со смежными правовыми категориями («природные объекты» и «природные ресурсы»). Тем не менее упомянутый в Конституции РФ термин «природные богатства» дважды упоминается в Федеральном законе «Об охране окружающей среды». Во-первых, в преамбуле закона указано, что «каждый обязан сохранять природу и окружающую среду, бережно относиться к природным богатствам». Во-вторых, в ст. 11 данного Закона законодатель переходит от деклараций к установлению прямых юридических обязанностей, предусматривая (п. 3) обязанность граждан «бережно относиться к природе и природным богатствам».

¹ Рос. газ. 2018. 25 июля.

Закрепление подобных обязанностей обуславливает необходимость исследования механизма их реализации, однако для этого требуется определить, что именно законодатель понимает под «природными богатствами» и какой набор запретов и ограничений в связи с этим необходимо возложить на конкретных субъектов экологических правоотношений. Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо выяснить, откуда вообще взялся этот термин, используемый законодателем без всякой расшифровки.

Обращение к истории позволяет нам установить, что термин «природные богатства» достаточно часто использовался как в международном праве XX в., так и в советском законодательстве. Типичным примером первой тенденции являются две резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, принятые в 1952 г. и 1962 г., которые предусматривали, что «право народов свободно использовать и эксплуатировать свои богатства является неотъемлемой частью их суверенитета», а также что «каждое государство имеет право и будет осуществлять целостный постоянный суверенитет, включая владение, пользование и распоряжение, в отношении всех природных богатств, ресурсов и экономической деятельности» [9, с. 4]. Аналогичным образом в ч. 2 ст. 1 и ст. 25 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах (Нью-Йорк, 19 декабря 1966 г.) закреплялось «неотъемлемое право народов для достижения своих целей полностью и свободно обладать, пользоваться и распоряжаться своими естественными богатствами и ресурсами. При этом ни один народ ни в коем случае не может быть лишен принадлежащих ему средств существования»². Можно привести и иные примеры упоминания данной правовой категории в международном праве.

В связи с этим неудивительно, что термин «природные богатства» широко использовался в конституциях и законах Советского Союза и РСФСР. Так, согласно ст. 18 Конституции (Основного закона) СССР от 7 октября 1977 г. в интересах настоящего и будущих поколений в СССР должны были приниматься необходимые меры, в том числе для обеспечения воспроизводства природных богатств и улучшения окружающей человека среды; ст. 67 Конституции предусматривала обязанность граждан СССР беречь природу, охранять ее богатства.

Термин «природные богатства» упоминался и в ст. 1 Закона РСФСР от 27 октября 1960 г. «Об охране природы в РСФСР». Согласно данной статье государственной охране и регулированию использования на территории РСФСР подлежали все природные богатства, как вовлеченные в хозяйственный оборот, так и неэксплуатируемые: земля; недра; воды (поверхностные, подземные и почвенная влага); леса и иная естественная растительность, зеленые насаждения в населенных пунктах; типичные ландшафты, редкие и достопримечательные природные объекты; курортные местности, лесопарковые защитные пояса и пригородные зеленые зоны; животный мир (полезная дикая фауна); атмосферный воздух.

Весьма важными для понимания логики законодателя являются положения ст. 20 данного закона, согласно которым учреждения, предприятия и организации, которым предоставлены земельные участки и другие *природные богатства*, обязаны обеспечить охрану, рациональную эксплуатацию и воспроизводство *природных ресурсов*. Из этого следует, что законодатель прошлого века пытался, во-первых, объять термин «природные богатства» не только природные ресурсы, подлежащие хозяйственной эксплуатации, но и природные объекты, изъятые из хозяйственного оборота; во-вторых, поставить знак равенства между категориями «природные богатства» и «природные ресурсы», когда речь заходила о конкретных обязанностях природопользователей.

Данная законодательная тенденция была достаточно подробно отражена и в отечественной эколого-правовой науке. Так, Н. Б. Мухитдинов писал, что «природные богатства страны – недра, леса, воды и земля, являясь исключительной собственностью государства, могут предоставляться только в пользование» [6, с. 83–84]. Н. Д. Казанцев отмечал, что все природные богатства в СССР составляют единый государственный фонд природных ресурсов, в состав которого наряду с земельным, лесным, водным входит и геологический фонд (фонд полезных ископаемых) [5, с. 5]. Данные термины нередко употребляются как синонимы и в современных научных исследованиях, например, посвященных проблемам коррупции в сфере использования природных богатств (природных ресурсов) [11].

² Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Другие авторы отождествляют правовые категории «природные богатства» и «природные объекты». Как отмечает А. А. Иванов, термин «природные богатства» можно применять «в отношении каждого из объектов природы, связанного с разумной и волевой деятельностью человека. Природа сама по себе богатство. Однако в контексте соответствующей статьи отечественной Конституции имеются в виду богатства недр, флоры, фауны и других природных объектов, которые используют люди для удовлетворения своих потребностей» [4, с. 16]. Аналогичную позицию высказывает и М. М. Бринчук, отмечая, что правовой режим природных объектов – «совокупность правовых методов и мер регулирования общественных отношений по поводу земли, недр, вод, других природных богатств как объектов собственности, пользования и охраны» [1, с. 415].

Третья группа авторов считает, что Конституция России в качестве самостоятельных объектов, подлежащих сохранению и сбережению, выделяет «природу, окружающую среду и природные богатства» [10, с. 41]. Е. П. Петухова отмечает, что «природные богатства, природные ресурсы, природные объекты, природные территории используются как базис для жизни населения страны, а также для повседневной деятельности, хозяйственной деятельности, предпринимательской деятельности, публичной деятельности населения страны». При этом «использование, потребление, эксплуатация природного ресурса, природного объекта, природной территории, природных богатств и полезных ископаемых должно соответствовать целям устойчивого развития общества...» [8, с. 41].

Последняя позиция означает, что полезные ископаемые являются самостоятельной правовой категорией, не входящей в состав ни природных ресурсов, ни природных объектов или природных богатств, с чем трудно согласиться. Представляется, что полезные ископаемые – это частная разновидность природных ресурсов. Таким образом, в рамках третьей концепции правовая категория «природные богатства» либо сосуществует с категориями «природа» и «окружающая среда», либо признается равнозначной и такой же самостоятельной категорией, как «природные объекты» или «природные ресурсы».

В целом же все приведенные выше позиции имеют дискуссионный характер, поскольку экологическое законодательство не предпола-

ет смешение терминологии, и потому понятия «природные ресурсы» и «природные объекты» имеют вполне четкое и конкретное содержание. Законодатель не предусматривает возможности их отождествления ни друг с другом, ни с конституционной категорией «природные богатства», которая не может поглотить или заменить их (даже если считать ее реально действующей и имеющей нормативное содержание).

Как отмечают некоторые авторы, «по своему содержанию обязанность сохранять природу и окружающую среду и обязанность бережно относиться к природным богатствам весьма близки. Обязанность сохранять природу и окружающую среду связана с осуществлением специальных действий (или воздержанием от действий), направленных на предупреждение изменений состояния природы или окружающей среды как единого комплекса природных объектов и природных сред сверх установленных законодательством уровней, поддержанием и восстановлением благоприятного состояния окружающей среды. Обязанность каждого бережно относиться к природным богатствам – это рациональное, неистощительное, экологически целесообразное использование отдельных природных ресурсов. Обе обязанности в действительности теснейшим образом связаны и, как правило, реализуются одновременно. Рациональное, т. е. экологически целесообразное, использование природных богатств служит важнейшим принципом охраны окружающей среды» [3]. Полностью соглашаясь с данным выводом, сделаем следующий логический шаг, признав факт дублирования категорий «природные богатства» и «природные ресурсы» недопустимым.

Как отмечается в научной литературе, природа представляет собой совокупность естественных условий существования человека, включая и те объекты, которые не подверглись существенным изменениям в результате воздействия людей (участки дикой природы, заповедники и т. д.). Окружающая среда – это среда обитания и хозяйственной деятельности человека. Она включает объекты природы, измененные человеком, а также искусственно созданные объекты (населенные пункты, зеленые насаждения и т. д.). Термин «природные богатства» вносит в два первых термина аксиологический аспект [7, с. 260].

На моральную (ценностную) составляющую термина «природные богатства» указывает

и Д. С. Велиева, отмечая, что упомянутое в Конституции бережное отношение «предполагает проявление заботы о природе и природных богатствах, а в необходимых случаях – и принятие мер по ее охране и защите. Реализация данной конституционной обязанности прежде всего зависит от уровня правового сознания и правовой культуры личности. Ее можно рассматривать как морально-этическое требование, предъявляемое к гражданам, обществу» [2, с. 36]. Между тем данный вывод неоднозначен. Несомненно, многие нормы Конституции РФ как политико-правового акта носят ценностный (моральный) характер, что присуще основным законам всех стран мира.

Данный подход требует ответа на вопрос о том, как соотносятся выражения «охрана окружающей среды» и «бережное отношение к природным богатствам». Можем ли мы утверждать, что они не являются синонимами? На наш взгляд, на основе анализа Конституции России, экологического законодательства и практики Конституционного Суда РФ можно сделать вывод о том, что «бережное отношение к природным богатствам» означает необходимость «охраны и рационального использования природных ресурсов», что не тождественно понятию «охрана окружающей среды». Последняя категория намного шире.

Как следует из ст. 1 Федерального закона «Об охране окружающей среды», термин «природные ресурсы» означает возможность использовать компоненты природной среды, природные объекты и природно-антропогенные объекты при осуществлении хозяйственной и иной деятельности в качестве источников энергии, продуктов производства и предметов потребления. Термин «природный объект» намного шире. Например, земля как природный объект включает в себя все земли, находящиеся внутри границ Российской Федерации, и в этом качестве требует мер по их охране независимо от принадлежности отдельного земельного участка к конкретной категории земель. Однако не все земельные участки могут рассматриваться как природный ресурс и иметь хозяйственную ценность. Например, земли запаса или земли особо охраняемых природных территорий являются природным объектом, но не используются в хозяйственной деятельности и потому не являются природным ресурсом. Из этого следует, что выражение «бережное отношение к природным богатствам»,

не имеющее ни определения, ни механизма реализации в экологическом и природоресурсном законодательстве, дублирует уже существующую правовую конструкцию «рациональное использование и охрана природных ресурсов», и в этом мы не видим никакого смысла.

Конституционная категория «бережное отношение к природным богатствам» никакой моральной (ценностной) нагрузки иметь не может, в отличие от конституционной обязанности по охране окружающей среды.

В качестве аргумента в пользу сохранения термина «природные богатства» в Конституции РФ можно привести пример ряда зарубежных стран, в конституциях которых данный термин действительно используется. Так, согласно ст. 11 Конституции Королевства Бахрейн, «природные богатства являются собственностью государства»; в ст. 15 Конституции Республики Болгария отмечается, что «Республика Болгария обеспечивает охрану и воспроизводство окружающей среды, поддержание живой природы и ее разнообразие и разумное использование природных богатств и ресурсов страны»; исходя из ст. 58 Конституции Демократической Республики Конго, «все конголезцы имеют право пользоваться национальными богатствами»; в ст. 52 Устава Хорватской Республики упоминаются «море, морское побережье и острова, воды, воздушное пространство, полезные ископаемые и другие природные богатства...»; согласно ст. 7 Устава Чешской Республики, «государство заботится о бережном использовании природных ресурсов и охране природных богатств»; согласно ст. 5 Конституции Эстонской Республики, «полезные ископаемые и природные ресурсы Эстонии являются национальным богатством, пользоваться которым надлежит рачительно» [13]. Данный перечень норм конституций зарубежных стран может быть продолжен.

Между тем зарубежный опыт является приемлемым для заимствования только тогда, когда он вписывается в национальные правовые традиции и позволяет решить существующие в государстве проблемы, не приводя при этом к побочным эффектам. В этом смысле, например, невозможно внедрить опыт работы английских судов, поскольку Россия находится в рамках континентальной правовой системы, а Великобритания – в рамках системы общего права. Аналогичным образом и рассматриваемый опыт нельзя перенять, поскольку в России действует

своя уникальная правовая система, основанная на многовековых правовых традициях.

Так, в отличие от Королевства Бахрейн, в России невозможна ни частная, ни публичная собственность на природные богатства и природные ресурсы. В частной (или государственной) собственности может быть земельный участок (водный объект), но никак не земля или вода в целом. В отличие от Эстонии или Хорватии, в России полезные ископаемые не могут быть отдельным видом природных богатств или ресурсов – в рамках правовой традиции все природные ресурсы являются равнозначными и полезным ископаемым (при всей их важности и ценности) Конституция РФ не отдает приоритета.

Таким образом, в настоящий момент «природные богатства» – это термин российского конституционного права, содержание которого не раскрыто в отраслевом (экологическом) законодательстве. Путем его доктринального толкования можно сделать вывод о том, что данный термин лишь дублирует понятие «природные ресурсы», включающее все компоненты природной среды (земли, воды, леса и т. д.), которые могут быть использованы в хозяйственной деятельности человека. Поскольку термин «природные богатства» не несет никакой смысловой нагрузки, необходимо исключить из ст. 58 Конституции

России упоминание о необходимости «бережно относиться к природным богатствам», изложив ее в следующей редакции: «Каждый обязан охранять природную среду».

Данное предложение можно аргументировать тем, что действующая редакция ст. 58 Конституции Российской Федерации упоминает о необходимости «охранять природу и окружающую среду», что не имеет смысла, поскольку в экологическом законодательстве четко различаются «окружающая среда» и «природная среда». И если первая включает «совокупность компонентов природной среды, природных и природно-антропогенных объектов, а также антропогенных объектов», то в состав второй «антропогенные объекты» не входят. Таким образом, нет смысла упоминать о необходимости охраны одновременно и природы, и окружающей среды, поскольку окружающая среда – более широкое понятие, включающее антропогенные объекты, не являющиеся частью природы. Поэтому природная среда будет более удачным объектом правовой охраны.

Из Федерального закона «Об охране окружающей среды» следует удалить нормы, обязывающие граждан беречь природные богатства, так как данная обязанность реализуется посредством более конкретных норм, посвященных охране природных ресурсов и природных объектов.

Список литературы

1. Бринчук М. М. Экологическое право : учеб. М. : МПСИ ; Воронеж : МОДЭК, 2011. 624 с.
2. Велиева Д. С. Конституционно-правовые основы экологической безопасности в Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2011. 48 с.
3. Гончарук Е. В., Альхименко В. В. Конституционная обязанность человека и гражданина Российской Федерации сохранять природу и окружающую среду и роль органов внутренних дел в ее обеспечении // Право: теория и практика. 2003. № 3. С. 49–52.
4. Иванов А. А. Отражение проблем сохранения биологического разнообразия в российском природоохранном законодательстве : моногр. / под ред. проф. С. В. Саксонова. Тольятти : Кассандра, 2016. 62 с.
5. Казанцев Н. Д. О научных основах дифференциации и интеграции законодательства, регулирующего использование и охрану природных ресурсов // Вестник МГУ. Серия 10: Право. 1965. № 2. С. 3–7.
6. Мухитдинов Н. Избранные труды : в 9 т. Алматы : ТОО «Нурай Принт Сервис», 2010. Т. 1 : Правовые проблемы пользования недрами. 339 с.
7. Научно-практический комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В. В. Лазарева. М. : Спарк, 1997. 599 с.
8. Петухова Е. П. Конституционно-правовой режим природных ресурсов : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 210 с.
9. Редько Т. И. Международно-правовое сотрудничество государств в области недропользования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 27 с.
10. Тахватулина Н. К. Экологизация правового регулирования (теоретико-правовое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук. Коломна, 2006. 207 с.
11. Халилова Т. В., Леонтьева Л. С., Гайнуллина Л. Ф. Коррупционность отношений в сфере природопользования, или «проклятие природных ресурсов» // Актуальные проблемы экономики и права. 2016. № 1. С. 26–34.
12. Шамрай Л. В., Леденева М. В. Региональное национальное богатство: сущность, состав элементов и особенности // Управление развитием крупномасштабных систем MLSD'2016 : тр. Девятой междунар. конф. : в 2 т. / под общ. ред. С. Н. Васильева, А. Д. Цвиркуна. М. : Ин-т проблем управления им. В. А. Трапезникова РАН, 2016. С. 86–93.
13. Экологические положения конституций : сб. / под ред. Е. А. Высторобца. Москва–Уфа : МИРМП ОС, Центр интер-экоправа ЕврАзНИИПП, 2012. 385 с.

References

1. Brinchuk M. M. *Ekologicheskoe pravo* [Environmental Law]. Moscow, Moscow Psychologic-Social Institute Publ., Voronezh, MODEK Publ., 2011. 624 p.
2. Velieva D. S. *Konstitutsionno-pravovye osnovy ekologicheskoi bezopasnosti v Rossiiskoi Federatsii*. Avtoref. dis. d-ra yurid. nauk [Constitutional and Legal Basis of Environmental Safety in the Russian Federation. Ext. Abstr. Dr. Legal Sci. Dis.]. Saratov, 2011. 48 p.
3. Goncharuk E. V., Al'khimenko V. V. Konstitutsionnaya obyazannost' cheloveka i grazhdanina Rossiiskoi Federatsii sokhranyat' prirodu i okruzhayushchuyu sredu i rol' organov vnutrennikh del v ee obespechenii [Constitutional Duty of a Person and a Citizen of the Russian Federation to Preserve Nature and the Environment and the Role of Internal Affairs Bodies in its Maintenance]. *Pravo: teoriya i praktika – Law: Theory and Practice*, 2003, no. 3, pp. 49–52.
4. Ivanov A. A., Saksonov S. V. (Ed.) *Otrazhenie problem sokhraneniya biologicheskogo raznoobraziya v rossiiskom prirodookhrannom zakonodatel'stve* [Reflection of the Problems of Conservation of Biological Diversity in the Russian Environmental Legislation]. Tolyatti, Kassandra Publ., 2016. 62 p.
5. Kazantsev N. D. O nauchnykh osnovakh differentsiatsii i integratsii zakonodatel'stva, reguliruyushchego ispol'zovanie i okhranu prirodnnykh resursov [On the Scientific Basis of Differentiation and Integration of Legislation Regulating the Use and Protection of Natural Resources]. *Vestnik MGU. Seriya 10. Pravo – MSU Vestnik. Series 10. Law*, 1965, no. 2, pp. 3–7.
6. Mukhitdinov N. *Izbrannye trudy. T. 1. Pravovye problemy pol'zovaniya nedrami* [Selected works. Vol. 1. Legal Problems of Subsoil Use]. Almaty, Nurai Print Service Publ., 2010. 339 p.
7. Lazarev V. V. (Ed.) *Nauchno-prakticheskii kommentarii k Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii* [Scientific and Practical Commentary to the Constitution of the Russian Federation]. Moscow, Spark Publ., 1997. 599 p.
8. Petukhova E. P. *Konstitutsionno-pravovoi rezhim prirodnnykh resursov*. Dis. kand. yurid. nauk [Constitutional and Legal Regime of Natural Resources. Dr. Legal Sci. Dis.]. Moscow, 2015. 210 p.
9. Red'ko T. I. *Mezhdunarodno-pravovoe sotrudnichestvo gosudarstv v oblasti nedropol'zovaniya*. Avtoref. dis. kand. yurid. nauk [International Legal Cooperation of States in the Field of Subsoil Use. Ext. Abstr. Cand. Legal Sci. Dis.]. Moscow, 2007. 27 p.
10. Takhvatulina N. K. *Ekologizatsiya pravovogo regulirovaniya (teoretiko-pravovoe issledovanie)*. Dis. kand. yurid. nauk [The Greening of the Legal Regulation (Theoretical and Legal Research). Cand. Legal Sci. Dis.]. Kolomna, 2006. 207 p.
11. Khalilova T. V., Leontyeva L. S., Gaynullina L. F. Korrumpirovannost' otnoshenii v sfere prirodopol'zovaniya, ili "Proklyatiye prirodnnykh resursov" [Corruption in the Sphere of Nature Management, or "The Resource Curse"]. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava – Actual Problems of Economics and Law*, 2016, no. 1, pp. 26–34.
12. Shamrai L. V., Ledeneva M. V. Regional'noe natsional'noe bogatstvo: sushchnost', sostav elementov i osobennosti [Regional National Richness: Essence, Composition of Elements and Features]. *Upravlenie razvitiem krupnomasshtabnykh sistem MLS D'2016 – Management of Development of Large-Scale Systems MLS D'2016*, Moscow, V. A. Trapeznikov Institute of Control Sciences of Russian Academy of Sciences Publ., 2016, pp. 86–93.
13. Vystorobets E. A. (Ed.) *Ekologicheskie polozheniya konstitutsii* [Environmental Provisions in Constitutions]. Moscow, Ufa, Moscow Initiative on International Environmental Law Development Publ., InterEcoLaw Center of the Eurasian Research Institute of Law Problems Publ., 2012. 385 p.